

Толкование Горация в полемике Зелинского и Ростовцева с Гревсом

Д. В. Кейер (СПБНИИ РАН)

Полемика вокруг концепций экономической истории античности, возникшая в отечественной науке после выхода первого тома «Очерков из истории римского землевладения» И.М. Гревса (1899), подробно освещена в истории отечественной науки. Один частный эпизод из этой полемики, не связанный с историческими концепциями, интересен в плане методологии и может дать интересный угол зрения тому, кто, тщательно присматриваясь к исследовательской манере Ростовцева, стремится за мощным историко-археологическим фасадом разглядеть элементы, относящиеся к чистой филологии, и понять их роль в общей картине.

Речь идет о двух пространственных рецензиях на труд Гревса, написанных Ф. Ф. Зелинским и М. И. Ростовцевым (1900), а также о ссылках последнего на этюды Гревса в примечаниях ко второй главе монографии «*Social and Economic History of Roman Empire*» (1926).

Зелинский откликнулся на труд Гревса яркой рецензией, полной не только тонких наблюдений, но и эмоциональных рассуждений о методологии исследования. Раздражение Зелинского вызвали выпады Гревса против «классических филологов», которые будто бы присвоили себе римскую древность и противились ее изучению в контексте всемирной истории. Зелинский отвечает на это своего рода манифестом, отстаивая единство историко-филологического метода, а затем словно бы выступает от имени филолога и историка по очереди: вначале предьявляет возражения филологического характера к очеркам о Горации и Аттике, а затем критикует теорию Родбертуса и Бюхера о преобладании «ойкосного» элемента в античном хозяйстве, солидаризируясь с Э. Майером.

Любопытны возражения Гревсу, основанные на интерпретации текста Горация. Так, по Гревсу, в состав сабинского поместья поэта входили хлебные поля, масличные плантации, плодовые сады, луга и виноградники, а кроме того пустоши и леса. Этот вывод делается из начала послания I, 16 (к Квинцию): «*Чтобы ты не расспрашивал, кормит ли мое поместье своего господина пашнями, или обогащает его оливами, или плодами, или лугами, или вязами, увитыми виноградной лозой, – я словоохотливо опишу тебе его вид и расположение*» (далее описывается пейзаж: горы, открытые солнцу, тенистая долина, кизил и сливы, дубы, дающие корм скоту и тень хозяину, чистый ручей)).

Зелинский отмечает, что все упомянутое в вопросе необязательно мыслить в составе поместья: здесь лишь упреждаются вопросы друга, так что презумпция «все это у меня есть» далеко неочевидна. От себя добавим, что потенциальные вопросы сосредоточены на материальной стороне дела (что приносит хозяину доход?), тогда как сам Гораций умалчивает о ней, делая акцент на том, что местность приятна и располагает к отдыху.

Второе важное замечание относится к стихам из послания I, 14 к управляющему поместьем (вилику): в Риме тот стремился в деревню, а теперь хочет в Рим: «*...Я понимаю: тебя манит в Рим публичный дом и роскошный трактир, и то обстоятельство, что этот твой уголок скорее принесет перец и ладан [растущие только на Востоке – ДК], чем виноград, и поблизости нет таверны, где ты мог бы достать вино...*». Гревс полагает, что на деле виноград в поместье выращивается; «не растет» он только с точки зрения управляющего, который этими словами преувеличивает трудность своей работы. Но Зелинский справедливо возражает, что глагол в придаточном с союзом *quod* стоит в индикативе будущего времени (*et quod // angulus iste feret piper et tus ocius uva*); если бы это утверждение относилось к мыслям управляющего, то по аналогии с косвенной речью

требовался бы конъюнктив. Таким образом, лингвистическая деталь определяет здесь интерпретацию текста, которая влияет на исторические выводы.

Другие пассажи, где Гревс усматривал свидетельство культивирования виноградников Горацием, Зелинский также убедительно отвергает. Так, в послании I, 8 поэт не находит себе места из-за внутреннего разлада, «...а не потому, что град побил виноградники, оливы сгубила жара или скот болеет далеко в полях») – здесь не обязательно видеть здесь прямое свидетельство о хозяйстве Горация; эти слова можно понять как примеры того, что обычно огорчает людей. Более трудный случай – ода I, 31, где Гораций «самолічно запечатал и сохранил сабинское вино в греческой амфоре» в памятный день выздоровления Мецената; здесь можно предполагать «вино собственного розлива, а не собственного производства».

Ростовцев в рецензии на тот же труд Гревса высоко оценивает тщательность и добросовестность очерка о свидетельствах аграрной истории у Горация, предъявляя автору претензии только исторического и концептуального плана: он указывает на недостаточное внимание к другим источникам, на недооценку развитости экономических форм эпохи эллинизма и неубедительность теории Бюхера.

Позже в своей знаменитой монографии Ростовцев комплиментарно отзывается об очерках Гревса, посвященных Горацию и Петронию (упомянув, конечно, и новые работы). И вот как резюмируются у Ростовцева сведения об имении Горация: «...в одной части модельной фермы выращивались виноградники, в другой были фруктовые и овощные сады, самая большая часть отводилась под пшеничные поля. Луга и рожи, которыми владел Гораций, использовались для выпаса большого количества волов, овец, коз и свиней». Эта характеристика взята напрямую из Гревса, а тот, как убедительно показал Зелинский, в значительной степени вывел ее из спорного толкования текстов Горация («Послания» I, 16; I, 14 и I, 8). На самом деле виноград в поместье Горация, скорее всего, не выращивался, а о выращивании маслин тексты не дают надежных свидетельств.

Едва ли Ростовцев мог не знать о рецензии Зелинского на Гревса; маловероятно и то, что он взвесил аргументы Зелинского и нашел их неправильными. Скорее всего, он считал этюды Гревса тщательно обработанным собранием свидетельств и использовал его как готовый «кирпичик» в построении своей панорамы. Освоить необозримый массив исторических, археологических, эпиграфических, папирусных данных для него неизмеримо важнее, чем разрабатывать детали. Если интерпретация текста не имела непосредственного значения для исторических выводов, (как в восстановлении папирусных текстов), изучение текста означало для него не толкование и критическую оценку, а, скорее, собрание и учет материала.